

Щербанюк Татьяна Игоревна

ассистент кафедры «Конституционное
и административное право»
Севастопольский
государственный университет
Севастополь, Россия

Иващенко Екатерина Сергеевна

доцент кафедры «Конституционное и
административное право»
Севастопольский
государственный университет
Севастополь, Россия

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ****Аннотация**

Исследуется трансформация конституционных прав и публично-правовых механизмов под влиянием распространения технологий искусственного интеллекта (ИИ). Актуальность темы обусловлена отсутствием легального определения правового статуса ИИ в российском законодательстве при активном внедрении алгоритмических систем в деятельность публичной власти. Анализируется феномен «чёрного ящика» – непрозрачности алгоритмических решений, создающей угрозу для конституционных принципов правосудия и права на судебную защиту. Обосновывается необходимость формирования новых процессуальных гарантий, включая реверсирование бремени доказывания и внедрение алгоритмического аудита, а также сохранения человекоцентричного подхода в публично-правовом регулировании ИИ.

Ключевые слова: конституционные права, публично-правовое регулирование, искусственный интеллект

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта ставит перед правовой системой принципиально новые вызовы, требуя переосмысления фундаментальных категорий конституционного и публичного права. Глубина проникновения алгоритмических систем в повседневную жизнь граждан, а также их активное внедрение в деятельность органов публичной власти порождают необходимость формирования надлежащей правовой среды, способной обеспечить баланс между стимулированием инноваций и защитой конституционных прав и свобод человека [4]. Глава Конституционного Суда констатировал, что в настоящий момент правовой статус ИИ в российском законодательстве не определен, а в практике подобные продукты рассматриваются, в основном, как объекты права. При этом он однозначно высказался против наделения роботов правосубъектностью, указав на отсутствие у них обособленного имущества и способности самостоятельно отстаивать свои интересы.

Вопросы конституционно-правового регулирования применения технологий искусственного интеллекта находятся в центре внимания отечественной юридической науки. Как справедливо отмечается в литературе, цифровая трансформация повлекла за собой как создание новых форм реализации конституционных прав и свобод, так и возникновение новых угроз, которые могут быть нейтрализованы только путем создания новых правовых механизмов [4]. Особую значимость в этом контексте приобретает роль обновленной Конституции России, которая призвана обеспечить цифровой суверенитет страны в условиях глобальной технологической конкуренции, где искусственный интеллект выступает объектом, дающим решающее преимущество в геополитическом соперничестве. Важнейшим измерением конституционно-правовой проблематики ИИ является трансформация фундаментальных прав граждан в условиях алгоритмизации публичной власти. Внедрение систем автоматизированного принятия решений в деятельность государственных органов - от отбора кандидатов для приема на работу до оценки добросовестности контрагентов и привлечения к ответственности - создает риски вынесения дискриминационных и несправедливых решений, дискредитирующих доверие граждан не только к самим алгоритмам, но и к государственным институтам в целом [5]. При этом сами решения, принятые алгоритмом на основе обработки больших массивов данных, зачастую остаются непрозрачными и необъяснимыми как для граждан, чьи права затронуты, так и для правоприменителя [5].

В то же время российская правовая система не стоит на месте. В ней постепенно складываются публично-правовые механизмы, предназначенные для регулирования ИИ. Центральным элементом стимулирования инноваций стали экспериментальные правовые режимы, или регуляторные «песочницы», позволяющие компаниям тестировать инновационные решения в реальных условиях без риска нарушить действующее законодательство [2].

Указанная модель, объединяющая регуляторные «песочницы», технические стандарты и этические нормы, является типичным воплощением стратегии «гибкого права». В рамках такого подхода государство воздерживается от введения прямых запретов, сосредотачиваясь на создании благоприятных условий для контролируемого экспериментирования и добровольного саморегулирования бизнеса. С одной стороны, это снимает излишние административные ограничения для технологического роста. С другой - вносит серьезный элемент неопределенности в правовое поле. Участники

гражданского оборота зачастую не способны точно спрогнозировать юридические последствия собственных действий, а рядовые граждане лишены уверенности в том, что смогут эффективно защитить свои интересы в случае ущерба от ИИ-систем.

Основная причина – эффект «непрозрачного алгоритма», который подрывает фундаментальные конституционные гарантии правосудия [5]. В публично-правовой сфере перед законодателем встает ключевой вопрос - до каких пределов допустимо использовать ИИ при вынесении юридически значимых актов? Технологии автоматизированного принятия решений, безусловно, экономят время и бюджетные средства, а также уменьшают влияние человеческого субъективизма. Однако их применение несет и серьезные угрозы для общества и правопорядка [6]. Среди наиболее значимых рисков - зависимость от полноты и добросовестности обучающих массивов данных, закрепление и даже усиление уже существующих дискриминационных стереотипов, а также влияние личных предпочтений разработчиков и несовершенство исходной информации, что в совокупности создает почву для несправедливых решений [5].

Внедрение ИИ в юридическую сферу меняет саму природу общественного доверия к праву. Исследователи обращают внимание, что, помимо вероятности прямых негативных последствий, людей тревожит моральный аспект – можно ли доверять «машинному разуму» [6]. Вправе ли алгоритм, лишенный морального чувства и способности к сопереживанию, выступать легитимным источником правоприменительных актов?

Распространение ИИ потенциально может создать условия для десакрализации права, изъятия из него морального компонента. Несмотря на существующие тенденции отдаления права от морали, их как формы действительности нельзя разделить – в решении задач общества они различны в контексте целей и функциональных характеристик, но их ценностная и сущностная составляющие едины [6]. Это означает, что любая попытка полностью заменить человеческое судебское усмотрение алгоритмическим решением неизбежно столкнется с кризисом легитимности, поскольку право, как нормативная система включает в себя не только формальные правила, но и разделяемые обществом ценностные ориентиры, которые алгоритм по определению не способен ни воспринять, ни воспроизвести. Именно поэтому внедрение ИИ в правовую жизнь общества должно происходить с учетом принципов надежности, устойчивости и ценностной ориентированности, требуя

выработки механизмов предупреждения, выявления и устранения сбоев в функционировании данной системы [5].

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд предложений по совершенствованию конституционно-правового и публично-правового регулирования ИИ в России. Применительно к проблеме «черного ящика» и непрозрачности алгоритмических решений целесообразно внедрение специализированных процессуальных механизмов защиты прав граждан [5]. Ключевыми элементами такой модели должны стать реверсирование бремени доказывания, когда разработчик или оператор алгоритмической системы обязан доказать, что решение было принято на законных основаниях и без дискриминационных установок; презумпция недоверия к алгоритму в случае отсутствия удовлетворительного объяснения его работы; право на содержательное объяснение решения, то есть на получение информации о логике и критериях, которые привели к принятию того или иного автоматизированного решения; и специализированные средства доказывания, в частности алгоритмический аудит, проводимый независимыми экспертами для проверки качества данных, используемых алгоритмом, и отсутствия в нем дискриминационных установок. В контексте конституционного права на судебную защиту необходимо законодательное закрепление права гражданина на человеческое вмешательство при принятии значимых решений с использованием систем ИИ. Это означает, что любое автоматизированное решение, существенно затрагивающее права и свободы человека, должно быть предметом пересмотра лицом, обладающим достаточной квалификацией и правом принять окончательное решение. Такой подход обеспечивает соблюдение принципа человекоцентричности правового регулирования.

На уровне публично-правового регулирования требуется скорейшее принятие рамочного закона об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта. Проект такого закона, разработанный Минцифры России, уже вынесен на общественное обсуждение и предлагает комплексное регулирование всей сферы ИИ: от определений ключевых понятий, разработки, применения и внедрения технологий до распределения ответственности и создания реестра доверенных моделей ИИ [7]. Важно, чтобы жёсткое регулирование коснулось прежде всего государства и критической инфраструктуры, в то время как в коммерческом секторе обязательные требования по использованию ИИ установлены

не будут, что позволяет соблюсти баланс между защитой прав граждан и развитием технологий.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что конституционно-правовые и публично-правовые аспекты регулирования искусственного интеллекта находятся в стадии активного формирования. В развитии российской правовой системы прослеживаются два встречных, но при этом взаимно дополняющих направления. Первое – это наращивание инструментов «гибкого регулирования» (экспериментальные режимы, стандартизация, этические нормы). Второе – подготовка рамочного закона, который должен ввести государственный контроль за сферой ИИ. Вместе с тем до сих пор не решена ключевая проблема, что законодательно не закреплено понятие искусственный интеллект с юридической точки зрения. Это порождает неопределенность как для создателей и владельцев ИИ-систем, так и для граждан, чьи интересы затрагиваются работой алгоритмов.

Когда алгоритмы используются при принятии публично-властных решений, возникают прямые угрозы для конституционных гарантий правосудия и права на судебную защиту. Отсюда настоятельная потребность в новых процессуальных инструментах, таких как перераспределение бремени доказывания (обязанность объяснить решение ложится на оператора системы), праве гражданина на содержательную расшифровку алгоритмического вывода, внедрении независимого алгоритмического аудита.

Кроме того, цифровизация правовой сферы ставит вопрос о сохранении морального измерения права и о доверии людей к судебной системе. В этом смысле позиция председателя Конституционного Суда, который отвергает наделение ИИ правосубъектностью и настаивает на сохранении человеческого контроля за значимыми решениями, выглядит вполне обоснованной. Она задает верный вектор для дальнейшего конституционно-правового развития. Искусственный интеллект остается лишь инструментом, подчиненным человеку, а любое его внедрение в публично-правовую практику должно сопровождаться надлежащими процессуальными гарантиями прав граждан.

Список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. 1993. № 237.

2. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017.

3. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

4. Власова В.Ю., Ястребова А.И. Особенности конституционно-правового регулирования применения технологий искусственного интеллекта в России // Современное право. 2024. № 5. С. 63–68. EDN: LPZWYF

5. Саудаханов М.В. Конституционно-процессуальные гарантии в условиях алгоритмизации публичной власти: проблема «черного ящика» и механизмы его преодоления в российской правовой системе // Закон и право. 2025. № 11. С. 91–95. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-12-100-104. EDN: GUNMKN

6. Васильева Е.Н. Трансформация доверия к праву в условиях распространения технологий искусственного интеллекта // История государства и права. 2025. № 8. С. 42–46. DOI: 10.18572/1812-3805-2025-8-42-46. EDN: HPUPUQ

7. Заключение Комиссии по правовому обеспечению цифровой экономики МО АЮР «Правовые проблемы обеспечения прозрачности и защиты прав граждан при принятии юридически-значимых решений в автоматизированном (алгоритмическом) порядке в условиях цифровой экономики» // Московское отделение Ассоциации юристов России. 2025.